

Михаил КУРАЕВ

СОЛЖЕНИЦЫН СЕГОДНЯ И ЗАВТРА¹

Наша встреча именуется «Международная научная конференция». Вполне резонно в конце научной конференции предоставить слово практику, практикующему кинематографисту и писателю. Отношения науки и практики не просты, но здесь укреплюсь авторитетом Климента Аркадьевича Тимирязева. Одну из своих лекций он начинал примерно так: «В своем путешествии в Лапуту Сэмюель Гулливер, как вам известно, попал в страну, где целая академия занималась извлечением солнечного света из огурца. Именно этой проблеме я посвятил свои исследования последних лет. Запишите тему лекции: фотосинтез». Этим я хочу отдать должное именно научной части конференции, напомнив, что даже умозрительная наука иногда самым непредсказуемым образом вторгается в практику. Пожалуй, и я занимаюсь фотосинтезом. Что такое кино? Это синтезированные в пучок света литература, актерское мастерство, искусство изображения, режиссура, музыка и т. д.

Наука и искусство растут из одного корня и существуют в давнем родстве, оба отражают реальность разве что разными средствами. Почему об этом следует помнить и сегодня, в 100-летнюю годовщину именно Солженицына? Попробую пояснить. На каком-то этапе в науке возникает относительный застой, связанный с невозможностью в рамках прежней картины мира объяснить вновь открывшиеся закономерности. И тогда на арене появляется личность, вызывающая отторжение у тех, кто пытается, как говорится, в меха старые влить вино новое, не говоря о тех, кто за старые и пересохшие меха держится двумя руками.

Где, кто и когда «возвращался» в капитализм из социализма? А в отношении прав собственности СССР был государством безусловно социалистическим. Какая наука могла рассчитать и прочертить пути этого пресловутого возвращения в цивилизованное общество? Какая наука и чем могла подкрепить лепет об «ускорении и перестройке», могла хотя бы помочь осознать невероятность и непредсказуемость каждого следующего дня, «разворовки» — если по Солженицыну, «реформ» — если по Ельцину.

Тридцать лет назад страна оказалась на тяжком перепутье. Назад пути нет, а вперед с подсказки умных людей — под откос.

Мы видели умственную силу вождей перестройки и их лукавых советчиков. А наука? Увы, политэкономия еще может быть наукой, а вот идеология и политика — это инструменты борьбы за власть и удержание власти, их правила и заповеди едва ли можно считать наукой, уж очень они угодливы и зыбки.

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ В основе статьи — выступление М. Н. Кураева на Конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына 14 декабря 2018 года.

Наши политические витии твердили лет десять, а то и больше заклинание: надо вернуться на общечеловеческий путь, вернуться в цивилизацию. Не надо ничего придумывать, не надо ничего изобретать — возрождение капитализма, возвращение в лоно «рыночной экономики» сделает всех счастливыми и богатыми. Прав был Александр Иванович Герцен: «Пути вперед не назначено, его надобно прокладывать». А «заднего хода» все-таки у истории нет.

Так как же найти верный путь вперед, разве кто-нибудь знает?

И здесь приобретает совершенно особую роль художник, исповедующий не верность партийной присяге, как бы умилительно и соблазнительно партии себя не именovali, а верность — человеку.

Помним же: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

А тут страну обвалили. Обрушили экономику, финансы, науку, образование, здравоохранение... И не просто «человека забыли», забыли, к примеру, двадцать миллионов за наспах наметанными границами, как не уставал напоминать Солженицын. Его не захотели услышать. Но унижением и бесправием наших бывших соотечественников ответили Прибалтика, Казахстан, Украина, Донбасс, Луганск... Тем художник и отличается от политика, что он может поставить себя на место тех, о ком пишет, а политик «режет по живому телу» и даже ни на минуту не представит себе, что под皮 своей обрекает миллионы людей на боль, страдание и унижение.

У каждого большого писателя свое ощущение жизни, и, разумеется, Солженицын здесь никак не исключение.

Что представляется мне едва ли не самым важным, определяющим творческую и политическую позицию на протяжении, по сути, всей его жизни?

Здесь целые доклады посвящались литературным реминисценциям в творчестве Солженицына. Вот и припомнилось одно известное сочинение, помогающее мне многое понять, повторюсь, и в творческой, и политической позиции А. И. Солженицына. В 10-й песне Дантева «Ада» появляются грешники, обладающие способностью прозревать все, что было, и все, что будет: **«Но всякий раз то разглядеть, что ныне наступило, прозрение не в силах нам помочь».**

Мысль Данте поразительно глубока. Действительно, оказывается, самое трудное — это видеть и понимать, то что совершается сейчас.

Не случайно же, став первым лицом в стране, Ю. В. Андропов сказал памятные слова: «Мы не знаем общества, которое мы построили, в котором живем». Он, пятнадцать лет возглавлявший самый любознательный департамент на свете, не знал, что же за общество возникло благодаря ему и его соратникам. По-моему, не только Андропов, но и Гегель признавал самым сложным слово «это», то есть возможность назвать то, что у нас перед глазами.

Все в той же помянутой многоумной Лапуге не только ученые, академики, но и просто богатые граждане держали *хлопальщиков*, которые стучали своих хозяев по голове бычьим пузырем с горохом, тем самым заставляли их хоть на миг очнуться от *напряженных размышлений*, чтобы вернуться в реальность. Действительно, если «у всех головы были скошены или направо, или налево; один глаз смотрел внутрь, а другой прямо вверх к зениту», трудно не то что понять «общество, в котором живем», но и разглядеть опасность прямо под ногами.

Можно найти переключку и поближе. Борис Годунов видит на паперти обиженного нищего, божьего человека, мальчишки отняли у него копеечку. Царь щедро восполняет потерянное и просит за него помолиться. И что же? Вместо благодарности он слышит: «Нельзя за царя-Ирода молиться. Богородица не велит».

Захотел «гарант Конституции» увенчать в день 80-летия живущего своим умом писателя золотыми цепями и алмазными звездами им. Андрея Первозванного, а тот сначала предупредил приватно: не надо этого делать. Но «гарант», меряя по себе, решил: кто же устоит перед золотыми-то цепями и алмазными звездами — и объявил о высочайшем награждении. Тогда уже пришлось неподкупному писателю сказать публично: не могу принять награду от правительства, ведущего страну пагубным путем.

Александр Исаевич Солженицын обладал удивительной способностью, в отличие от Дантовых провидцев, в отличие даже от провидцев из Кремля и Лубянки, видеть и называть своим именем то, что было перед его глазами. Именно эта способность послужила причиной тяжких обстоятельств его судьбы в конце войны. Подавляющее большинство жило предощущением победы, а он уже видел тех, кто сполна воспользуется плодами победы, они же никуда не прятались. Могли видеть все. Не видели.

Эта способность видеть сегодняшнюю реальность и понимать ее внутренний движущий механизм стала причиной не только его послевоенных бедствий, но объясняет и последующие расхождения с теми, кто не способен был понять и оценить его редкий дар. И это непонимание мы видели в Цюрихе, где он отказался из безопасного далека обличать советскую власть, не понят он был и в своей Гарвардской речи, не понят уже по возвращении в Россию ни властью, ни теми, кто сам себя именовал либералами, или демократами, или патриотами.

Солженицын, проживший всего пять лет в Европе, куда был выдворен из Советского Союза, и в США, предоставивших возможность жить и работать, был приглашен на выпускной акт в Гарвардский университет, где выступил с речью. В заполненной до отказа аудитории подавляющее большинство студентов и преподавателей ожидали услышать обличения в адрес деспотического Советского Союза и слова восхищения и благодарности свободной Европе и еще более свободным Соединенным Штатам, ставшими для него прибежищем. Но речь в Гарвардском университете прежде всего наружила извечную разницу между гением и обывателем. Обыватель готов признать все недостижимые для него достоинства гения, но повелительно требует, чтобы поступал он так же, как обыватель.

Обстоятельства своей, в конце концов, частной жизни для Солженицына были не так существенны, как и осторожность в переписке во время войны со своим другом и единомышленником. И он с высокой университетской кафедры говорит о том, что видит:

«Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более, как в Новейшее время, растоптана наша духовная».

Причины кризиса гуманизма названы по-школьному доступно, чтобы были услышаны и поняты всеми, кто способен слышать и понимать. Борьба «за права человека» оборачивается едва ли не в свою противоположность, «свобода» без духовных ограничений приводит к моральной деградации личности. Для людей XVIII—XIX, даже начала XX века непреложной высшей инстанцией, с которой соизмерялись границы «свободы», была религия. Привлекательный и вполне содержательный девиз борьбы остался, а человек-то стал другой. Сейчас религия становится по большей части некоторым почти формальным атрибутом душевного комфорта, что равносильно безверию².

² У моего однофамильца дьякона Андрея Кураева есть книга, как раз откликающаяся на распространение «самогона» в вопросах веры. На эту «самодеятельность» он отвечает, как и должен ответить пастырь и православный человек. Вольно, дескать, вам верить, как вздумается, а мой долг сказать: никакого отношения к православию эта «вера на свой салтык» не имеет.

Давайте вспомним, о чем говорил Солженицын 30 лет назад в Гарварде, поставившие идеи для наших «реформаторов».

«Западный образ существования все менее имеет перспективу стать ведущим образцом».

Одно это заявление могло повергнуть господ, насаждающих свои «ценности», в шок и недоумение. Какая неблагодарность! И вина Солженицына усугубляется еще и тем, что он аргументирует и иллюстрирует этот огорчительный тезис крайне убедительно, да еще и глядя далеко вперед.

Читаем. Сказано 30 лет назад: *«Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости, — однако трудно прогнозировать, как еще велик будет счет этих бывших колониальных стран к Западу и хватит ли ему откупиться, отдав не только последние колониальные земли, но даже все свое достояние...»*

До миграционного кризиса, казалось, еще было так далеко, а он уже говорит про величину счета, который будет предъявлен бывшими колониями, послужившими к процветанию Запада.

Как же такое могло произойти, почему?

Вот ответ-размышление: *«Падение мужества — может быть самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии, и уж конечно — в Организации Объединенных Наций.»*

Политические и интеллектуальные функционеры выявляют этот упадок, безволие, потерянность в своих действиях, выступлениях и еще более — в услужливых теоретических обоснованиях, почему такой образ действий, кладущий трусость и заискивание в основу государственной политики, — прагматичен, разумен и оправдан».

Каково это слышать законодателям политической моды, подкрепленной невероятного размера военным бюджетом? Да, нужно иметь мужество, чтобы видеть и понимать день сегодняшний, это самое трудное!

И вот только сегодня наконец можно увидеть, как страны Западной Европы, за гипнотизированные заокеанским другом и покровителем, просыпаются, словно услышав наконец серьезное предупреждение, пытаются вспомнить свою былую силу и независимость, заявить о своей воле.

Когда Солженицын говорил с кафедры в Гарварде об извращении ситуации с «правами человека» ему аплодировали, а потом, словно опамятавшись, засвистели, да еще как! Стали обвинять в покушении на «европейские ценности».

А Солженицын лишь показал, чего стоят эти ценности: *«Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество (апл.)... от иных личностей, — и на Западе приспела пора отстаивать уже не столько права людей, сколько их обязанности (апл.).»*

...Напротив, свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы. Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения, например, от злоупотребления свободой для морального насилия над юношеством, вроде фильмов с порнографией, преступностью или бесовщиной (апл.): все они попали в область свободы и теоретически уравниваются свободой юношества их не воспринимать. Так юридическая жизнь оказалась не способна защитить себя от разъедающего зла.

...Если где власти берутся строго искоренять терроризм, то общественность тут же обвиняет их, что они нарушили гражданские права бандитов (апл.)».

Ну и конечно, Солженицын видел воочию роль прессы в современной политической и духовной жизни.

Разве это не про современную прессу?

«Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века — более всего и выражена в прессе. Прессе противопоказано войти в глубину проблемы, это не в природе ее, она лишь выхватывает сенсационные формулировки.

...Пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение и воспитать его извращенно. То создается геростратова слава террористам, то раскрываются даже оборонные тайны своей страны, то беззастенчиво вмешиваются в личную жизнь известных лиц под лозунгом: „все имеют право все знать“ (англ.). (Ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей не знать, не забивать своей божественной души — сплетнями, суесловием, праздною чепухой (англ.). Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягочающем потоке информации.)

И при всех этих качествах пресса стала первейшей силой западных государств, превосходя силу исполнительной власти, законодательной и судебной. А между тем: по какому избирательному закону она избрана и перед кем отчитывается? Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается как государственный чиновник, то кто выбирал западных журналистов в их состояние власти? на какой срок и с какими полномочиями?

Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр (англ.). Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие.

...Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век. Например, иллюзорное понимание современного мирового положения — такой окаменелый панцирь вокруг голов, что через него уже не проникает ничей человеческий голос из 17 стран Восточной Европы и Восточной Азии, — а только проломит его неизбежный лом событий...»

И совершенно закономерный, вытекающий из логики сказанного итог.

«...Но если меня спросят, напротив: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашей страной в этом веке, — западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение».

Это об отношении к образцовой западной цивилизации, куда готовы направить нашу страну «реформаторы». Сто раз говорилось и повторялось: на Западе, в США в первую очередь, в экономике, в науке, социальной защите есть чему поучиться, есть что взять, но не видеть «духовного истощения» и кризисных явлений, о которых говорил ТРИДЦАТЬ лет назад Солженицын, едва ли разумно.

Солженицыну отказывают в понимании современности, все время оборачивают в прошлое, не желая ни слышать его голос, ни чувствовать боль его сердца.

Сам же Солженицын просто и ясно свою позицию публично обозначил.

В сентябре 1993 года, за полгода до возвращения в Россию, в Париже в телепередаче «Культурный бульон» у Александра Исаевича спросили, поедет ли он, вернувшись в Россию, в места, где был в заключении, посетит ли лагеря?

Вот ответ Солженицына: «Я считаю, что те, кто живут сегодня, больше заслуживают внимания, чем места, где я сказал бы: „Вот тут был мой барак. Вот тут я сидел в кар-

цере“. **Сегодняшние живые люди страдают, им нужно помогать. Они не в лагере страдают, а в простой жизни страдают».**

Это его кредо, этим он и дорог тем, кто умеет быть благодарным. Этим его заветом жил и живет Фонд Солженицына.

В течение двух дней, что шла наша конференция, мне казалось, что она проходит в Музее истории политических репрессий. Ясно же сказано: **«Сегодняшние живые люди страдают, им нужно помогать. Они не в лагере страдают, а в простой жизни страдают».** Сказано тридцать лет назад. Тридцать лет! Шесть пятилеток! Страдающие услышали, а организаторы и вдохновители этих страданий, судя по всему, — нет.

Через пять лет по возвращении в Россию, в 1998 году, писатель доказательно разъяснил — кто, как и почему *сегодня* в России страдает.

Читаем «Россию в обвале».

СЕГОДНЯ люди обмануты, страдают, не решены вопросы, поставленные **СЕГОДНЯ** в повестку дня, экономические и политические, а мы им: «ГУЛАГ-ГУЛАГ, барак-барак, а вот здесь карцер...»

В течение двух дней были, конечно, помянуты и «Бодался теленок с дубом», и «Как нам обустроить Россию», и «Россия в обвале», и «Красное колесо». Извините, но эти упоминания моего голода, моего ожидания собеседника и на тему «России в обвале», и «Красного колеса» не утолили и в малой степени. А уж «Угодило зернышко меж двух жерновов» с осмыслением современного Запада не удостоилось и легкого касания.

Блистательный доклад о трамвае как образе, соединяющем Пастернака и Солженицына, «Живаго» и «Красное колесо», полный академических красок, тонкой наблюдательности и глубокой пронизательности, прекрасен. Не менее блистателен доклад о заметках Солженицына 1954 года о пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума»... Но чем больше я слышал: «ГУЛАГ-ГУЛАГ, барак-барак», тем острее ощущал необходимость приобщения самой широкой аудитории к творчеству и делу его жизни — защите *живущих сегодня* от унижения, обмана, несправедливости.

Сегодня мы говорим об Александре Исаевиче Солженицыне.

Едва ли во второй половине XX века в России есть личность, сопоставимая с Александром Исаевичем Солженицыным по значимости и влиянию на духовную, литературную и политическую жизнь. Когда я прошу скептиков, не принимающих творчества Солженицына, не разделяющих его позиции по отношению к постсоветской власти, усердно отыскивающих подноготную правду о его военной и лагерной жизни, назвать кого-то еще, сопоставимого с Солженицыным, даже те, кто готов отказать ему решительно во всем, тем не менее никого поставить с ним рядом не могут.

А он рядом! Его обжигающие тексты не остыли. И чрезвычайно интересно следить не только за мыслью великого человека, но и за тем, как он спорит с самим собой. И не только потому, что живем в непредсказуемо переменчивом мире. Перечитывая «Матренин двор» и «тамбовские», деревенские главы «Красного колеса», ты видишь, как художник спорит с очеркистом, как автор программы «Как нам обустроить Россию» освобождается от иллюзий и пишет неопровержимое свидетельское показание — «Россия в обвале».

Открываешь «Россию в обвале», написанную и изданную двадцать лет назад, а многие страницы читаются так, словно продиктованы сегодняшней реальностью.

Солженицын, выдворенный из Советского Союза, пришелся не ко двору нашей эмигрантской «третьей волне». Солженицын, вернувшийся на родину, не пришелся ни к «либеральному двору», ни к «ельцинскому», ни к «патриотическому». Это ли не урок свободы?

А либералы суровы, кто не с ними, тот против них!

В общественное сознание вбивается всеми дозволенными и недозволенными средствами мысль о том, что «его время» прошло.

Как художнику — отказать! Как мыслителя — не принимать!.. Как политика — забыть!

Сегодня мы видим, как определенного рода читатели, пользуясь терминологией интриганов, Солженицына пытаются «задвинуть» туда, в шестидесятые, ну в крайнем случае семидесятые. Дескать, спасибо за «Ивана Денисовича», спасибо за «Архипелаг ГУЛАГ», но «Красное колесо» читать невозможно, а «200 лет вместе» и не забудем, и не простим. Особенно этот труд третируется.

Почему история диалога двух народов вызывает подозрение и желание немедленно опровергнуть, а то и заклеить? А мы не приучены к диалогу! Оглянемся. Как формировалась европейская культура? Ее формирующее начало — диалог. Античная философия — диалог. Европейские университеты — диспут. Утопия «Город солнца» — диалог. Даже предтеча современного европейского романа — эпистолярный роман, это тоже диалог. Были и Торквемады, и Савонаролы, были инквизиция и Варфоломеевские ночи, абсолютизм и гильотина, но фундаментальное основание европейской культуры, диалогической культуры, выстояло и сформировало одну из самых уважаемых по отношению к человеческой личности общественно-политических структур. При всех оговорках.

А нам подавай учение единственно верное и потому победоносное. А кто не с нами?.. И вот святой креститель Руси крушит Перуна, крушит языческие капища... И добрый Пастырь становится пастухом с бичом... И святейший патриарх Никон только истины ради берет топор, и рубит в храме и топчет ногами «неправильные» иконы, и шлет на костер нежелающих единственно верно молиться и креститься... И дальше — по списку.

Зачем этот экскурс? Солженицын целиком существует в контексте отечественной истории прежде всего.

Есть ли у нас во второй половине минувшего века другой собеседник о нас, о прожитом, изболевшем?

Есть ли еще равный ему свидетель и сострадатель народных бедствий?

Он не создал «единственно верного и потому правильного» научения для всех. Он сделал больше. Он помог целому поколению, моему уж точно, сделать шаг к внутренней свободе. А как писатель и историк он вернул, к примеру, в наше историческое сознание «Февраль» как исток «Октября». Уже никто не минует дороги, проложенной «Красным колесом»...

Юбилейная апологетика — не мой жанр. Я никогда бы не повесил у себя дома ни портрета Столыпина с его изумительными колечками на тонких кончиках усов, раскрутить одно колечко, и портрет станет шутовским. «Утро начинаю с распределения пулеметов» — так писал бесстрашный в преданиях саратовский губернатор жене в Ковно в 1905 году. Именно саратовский губернатор прославился жестокостью, чем и пришелся по душе императору... Вот и Колчака даже в сладчайшем исполнении актера Хабенского тоже бы на стенку не повесил...

Но нет у меня другого собеседника, искреннего, страстного, страдающего человеческой боли, сознательно с младых ногтей избравшего судьбу как служение людям.

Александр Солженицын — одно из самых, если не самое яркое и многозначное явление духовной и политической жизни в нашей полувековой истории.

Пора вспомнить и о том, что в самом начале я представил себя как практика, в том числе и «практикующего кинематографиста».

Так уж сложилось наше отечественное кино, что литература стала его опорой, почвой, питающей средой. А сокровищница нашей литературы вбирает в себя не только сочинения, как нынче говорят, тексты, но и судьбы самих авторов, как правило, в высшей степени значимые во множестве отношений. Сами судьбы писателей — важнейшая составная часть нашего духовного богатства.

По моему убеждению, сама жизнь Солженицына во всех ее значимых подробностях уже основа для в высшей степени актуального, подчеркиваю, не мемориального, а актуального в своей проблематике фильма. Кино ищет героя, созвучного настроению самого широкого круга зрителей. Почему же не находит его в свидетельстве под названием «Бодался теленок с дубом»? А «Угодило зернышко между двух жерновов»? Это ли не история человека, идущего против ветра? Такое не может устареть. Не может устареть и «Красное колесо». Почему? Да потому, что все десять томов пронизывает неотступная мысль об исторической ответственности. Историческая ответственность — эта тема актуальна во все времена. А напоминание об исторической ответственности и партий, и политиков, и правителей, и граждан — это уже шаг к защите страдающих сегодня.

Если обращение к творчеству Солженицына не продиктовано состраданием и участием в жизни людей, страдающих сегодня, — захлопните его книги!

В истории отечественной литературы мы знаем примеры, когда сочинение не могло войти в привычные жанровые рамки. Вот и появился «роман в стихах» Пушкина, поэма в прозе Гоголя, роман в новеллах Лермонтова, одно из самых обширных прозаических сочинений в нашей литературе «Жизнь Клима Самгина» Горький назвал — повесть, и не случайно.

Открывающий эпопею роман «Август Четырнадцатого» исполнен в традициях романа XIX века. Но наступившие события, взорвавшая и перемешавшая все эпоха уже не вмещается в старые жанровые клетки. Солженицыну, как царю Гвидону, тесно в жанровой бочке, — «вышиб дно и вышел вон».

А куда вышел? И какое это имеет отношение к кино?

Прямое.

Урок свободы и экономии. 16 марта 1917 года, мы словно идем вдоль забора, на котором обрывки газет. Вот объявление: «Театр „Мозаика“. Пьеса „Гильотина“. Концерт цыган. В концертном зале кабаре до 2-х ч. ночи», и тут же еще газетная заметка: «Удаление памятника Столыпину в Киеве». «Удаление памятника» — у автора отличный слух на слово. Удаление зуба, что ли? Удалили. Кусать нечем. Жевать нечем.

Взятые из газет события позволяют автору выиграть пространство.

Подчас удивляет сжатость этого десятитомного сочинения! Удивляет его цельность. Симфоническая цельность. Симфиз — по-гречески «срастание». Вот и видится мне в «Красном колесе» органическое срастание самых различных исторических свидетельств.

Сам Солженицын, наверное, был убежден в том, что владеет кинематографическим письмом. У него есть сценарий «Знают истину танки»³. Больше того, в «Красном колесе» он отбрасывает перо, берет в руки «кинокамеру» и заполняет «экран» картинами, как правило, народных сцен.

А в моем представлении, Солженицын приближается к кинематографу там и тогда, когда сам того не чувствует, и здесь себя обнаруживает художественная (кинематографическая!) интуиция.

Могу назвать множество примеров, но хотя бы несколько.

³ Этот сценарий открывал № 1 альманаха «Киносценарии» за 1990 год, следом за ним в альманахе шел мой сценарий. Бывают и такие встречи!

Есть в «Красном колесе» в первой книге «Март Семнадцатого» глава 168. 27 февраля. Ночь. Конец этой главы, три коротеньких абзаца, засыпающий Таврический дворец, Дума накануне сокрушительных событий. Спящие, а потому беззащитные люди, не ведающие своей судьбы, а нам-то она известна... Поверженные и спящие так похожи. Мы знаем — это проигравшие. Все! Людская свалка. А над ними еще не исколотый штыками портрет «неспящего» царя в полный рост и при параде. Это — кино! Поверьте на слово человеку 30 лет читавшему сценарии, — великолепный кинематографический кусок. А встык ему идет 169-я глава с подзаголовком «Экран», солдаты и матросы грабят гостиницу «Астория». Репортажная зарисовка, равная сама себе. Может быть, я и ошибаюсь, но этот «Экран» от кино, если говорим об искусстве, дальше, чем «не экран» предыдущей главы.

Вот глава 249 из второй книги «Март Семнадцатого». 1 марта 1917 года. Петроград. Хроника уличных эпизодов. Это кино, настоящее кино, это для не жалюемого Солженицыным Эйзенштейна и Тиссэ.

Людам, неблизким к киноделу, может показаться, что отлетевшее колесо, да еще и загоревшееся («Август Четырнадцатого»), замечательный именно кинообраз, чуть ли не венчающий эпопею. Боюсь, что это не так. Трудно объяснить, почему золотые яблоки на яблоньке — образ, а груши на вербе — вздор. Чтобы на экране бытовая подробность стала образом, нужен, скажем так, стилистический контекст. Катит вал отступающей армии. Зрелище сильное, исполнено драматизма. Тысячи людей, сотни повозок. Скрип, крики, тяжелое дыхание, брань, храп коней... На санитарной повозке отлетело колесо и долго-долго красиво и многозначительно катится, катится... Нет, до Потемкинской лестницы оно не докатится. В авторском тексте — сильный кусок, а на экране — бытовая подробность, зрителя больше будет интересовать, как беглецы, везущие раненых, вышли из положения, чем переживать — как далеко и до каких многозначных смыслов докатится отлетевшее колесо.

И «Август Четырнадцатого», и вся эпопея избилуют эпизодами, подробностями, сценами, что, как говорится, просятся на экран.

Взять те же «фрагменты народоправства», как назвал свою 26-ю главу автор в книге первой «Апрель семнадцатого». Настоящее кино. В Москве с постамента памятника Скобелеву кричат: «Фабрики рабочим!» И тут же баба кричит истошно: «Батюшки! Да ведь все же пропьють!»

Еще.

Автор опишет дважды приезд Ленина в Петроград в апреле 1917 года глазами двух персонажей, в главе 6 — глазами эсероменьшевика Гиммера-Суханова, в главе 7 — глазами Саша Ленартовича. Позволю себе предположить, что автор в этом случае едва ли следовал за Акутагавой Рюноскэ⁴. У того в небольшой повести «В чаше» одно событие, история убийства, рассказывается разными персонажами, даже духом убитого. Рассказ этот стал основой фильма «Ворота Росемон». Для чего, почему рассказывается одна история несколько раз? Да потому, что каждый из рассказчиков изображает себя, преподносит себя образцом человеческой доблести, в то время как в рассказе другого он жалок. Вот и Солженицына надо, по моему убеждению, читать так, как читал Акутагаву Акира Куросава. То есть не приспособливать литературный текст к «экрану», а экраном вскрывать то, что может быть не досказано текстом. Не досказано? Это в десяти-то томах? И так бывает.

Кино требует подлинности. И достигается она, разумеется, множеством способов. Если бы дело дошло до съемок «Красного колеса», я просил бы режиссера, чтобы он убрал все диалоги, все разговоры Воротынцева и Ольды Орестовны Андозерской,

⁴ По свидетельству Натальи Дмитриевны Солженицыной, рассказ Акутагавы «В чаше» и фильм Куросавы Александр Исаевич не знал. Тем знаменательнее эта перекличка!

оставив, быть может, лишь несколько слов, и то самых простых. Зачем слова, когда их знакомят у Шингаревых? Увидели друг друга в привычке к новым знакомствам, но ударила тишина. Герои еще не пригляделись друг к другу, но повествование вступило в новое пространство. Надо искать решение! Зачем слова во время их прогулки по Песочной набережной в Петрограде? Мы за ними подглядываем. Кино. Куда же без этого! Но хотя бы из уважения — не подслушиваем. Грохочет революция, а здесь всегда неповторимое таинство жизни двоих! В этой эпопее, естественно, очень много говорят, все говорят, спорят, убеждают, призывают, клеймят. По-своему многословна, да едва ли и может быть иной, история Воротынцева с женой Алиной. А вот история Воротынцев и Андозерская — совершенно иная, *другая история*. Какой пластикой, какой музыкой, какой тишиной сказать — *другое* и вечное. Можно, разумеется, показать «во всю Ивановскую» силу страсти и влечения любовников друг к другу. Как говорил Чехов, можно, но не нужно. Созвучие душ не требует многословия. Если экран выдерживает тишину, если экран выдерживает молчание — значит, там есть кино.

Есть кино, большое кино в творческом наследии Солженицына!

Я убежден в том, что художник и мыслитель Солженицын должен выйти к самой большой современной аудитории, а это доступно только кино и телевидению? Как художник он удерживает в своих руках самую важную нить отечественной литературы, связующую и Аввакума, и Пушкина, и Чехова... Да, именно Чехов говорил: «Моя святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались».

Как же мы безмерно умны и богаты, если можем безоглядно отдать в проворные руки богатства, созданные за семьдесят лет народом, как же мы умны и богаты, если можем бросить на произвол судьбы два десятка миллионов соотечественников, если нам скучно слушать их заступника, если нам недосуг войти в серьезный разговор о межнациональных отношениях, если скучно вместе с мудрым и, что самое главное, независимым человеком попробовать осмыслить последние тридцать лет нашей жизни!

Солженицын с наибольшей последовательностью и непреклонностью, в большей мере, чем его современники и коллеги, как раз и доказал способность и возможность быть свободным от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались.

Сегодня литература, а кинематограф еще в большей степени, переживают испытание рынком — с одной стороны, а с другой — испытание всеми искушениями безграничной и безответственной свободы. И очень своевременно напоминание Солженицына о том, что «свобода говорить что угодно» еще не свобода, что лишь равновесие и самодержки «одни только и сохраняют свободу слова разумной».

Нужно быть действительно свободным человеком, чтобы указать «священной корове» либерализма пределы ее угодий.

Кинематографу нужны свежая кровь, сильные мысли, честный взгляд окрест и свобода от лжи и насилия, в чем бы последние две не выражались. И все это есть в сочинениях Александра Исаевича Солженицына, как и в самой жизни этого удивительного, яркого, непреклонного человека, умеющего мужественно освобождаться от собственных иллюзий и помогать в этом другим.

Чтобы убедить вас в правоте сказанного, я позволю себе прочитать вам хотя бы только одну его вещь — «Красное колесо». Но это при следующей, как я надеюсь, встрече...
...Хотелось бы, чтобы эта встреча была на экране.